

Темнеет жесткий и прямой
Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут —
Некрасов
И Салтыков... Обойм по доске
Мемориальной.
Ахматова. «Северные элегии»

Совсем недавно поблизости от дома Некрасова и, соответственно, от мемориальной доски появилась новая. На доме №24 по тому же Литейному проспекту в день, когда Иосифу Бродскому исполнилось бы 56 лет, при большом стечении народа, обилии цветов и теплых слов была открыта мемориальная доска, текст ее прост: «В этом доме с 1955 по 1972 год жил поэт Иосиф Александрович Бродский». Очень удачный барельеф с профилем поэта работы скульптора Левона Лазарева превращает доску не только в напоминание, но и некое «вещное» возвращение поэта. Это случилось через 24 года после того, как по настоянию КГБ он покинул этот дом, город, отечество. Уезжал он в глубокой скорби со словами: «И жить немислимо, и уезжать невозможно». Покидал он родной и любимый город, о котором впоследствии, будучи безвозвратно далеко, он напишет: «И был город. Самый прекрасный город на земле. С огромной серой рекой, которая висела над своим отдаленным дном, как огромное серое небо, которое висело над этой рекой. Над этой рекой стояли изумительные дворцы...»

Из 55 лет, прожитых Бродским на земле, 32 — не считая двух лет ссылки на Север — прожил он в Ленинграде. Начав писать стихи в 16 лет, в этом городе он сложился как поэт. Безусловно любя свой родной город, он не воспеваает многочисленные великолепные его ансамбли, он в нем живет. Мы встречаем в его стихах колоннаду Биржи, под которой он пережил холодный дождь; «выцветшие линии» Васильевского острова, между которыми он упадет; «кирпичный сонм камер» одной из тюрем города, по которой он бредет с допроса на допрос. Он помнил, как ломали Греческую церковь и

строили на ее месте Концертный зал:

Теперь так мало греков
в Ленинграде,
что мы сломали Греческую
церковь,
дабы построить на свободном
месте
Концертный зал. В такой
архитектуре
есть что-то безнадежное.
Прекрасно помню, как ее ломали...

Таких примеров можно было бы привести десятки, а может быть, и сотни. Но он не только живет здесь. Судивительным постоянством в стихах молодого поэта звучит тема смерти — его смерти в этом городе:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать...

Или дивной красоты «Стансы городу»:

Да не будет дано
умереть мне вдали от тебя,
в голубиных горах,
кривоногому мальчику вторя.

Да не будет дано
и тебе, облака короля,
в темноте увидеть
мои слезы и жалкое горе.

Пусть меня отпоет
хор воды и небес, и гранит
пусть обнимет меня,
.....
пусть меня, белеца, осенит
белой ночью твоя
неподвижная слава земная...

Но Ленинград для молодого поэта — это еще и богатейшие литературные традиции и замечательное окружение. Очень конкретно написал об этом друг Бродского:

Желт амбир и воздух матов,
Пахнет скорой шутовской.
Не окликнет ли Шихматов,
Не пройдет ли Шаховской?

Арзамасец из Коломны
Уж кого не задирает?
Прячет в шубу нос холодный
Сухопутный адмирал.

Кроме этого пейзажа,
Что любить нам горячо?
Отвечайте, Ося, Саша,
Яша, Миша — что еще?

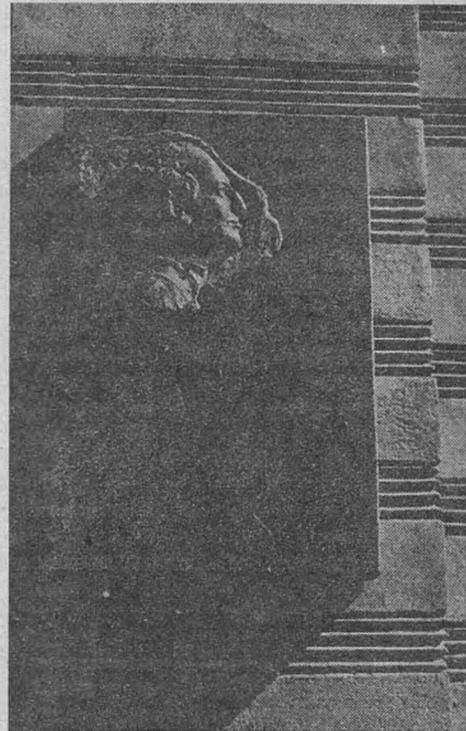
Вероятно, не надо объяснять, что арзамасец — это Пушкин, сухопутный адмирал — Шишков, а Ося — Бродский. Но здесь названы еще Александр Кушнер, братья Яков и Михаил Гордины. Этот список можно было бы дополнить именами многих еще друзей, и в первую очередь именами Анатолия Наймана, Дмитрия Бобышева и автора этих строф Евгения Рейна.

Именно он когда-то привел Бродского к Ахматовой. Четверо молодых поэтов составили тот «волшебный хор», который сопровождал Ахматову в последний, как известно, очень творческий период ее жизни. Эта молодежь, этот «хор» — Бродский Бобышев, Найман, Рейн — вселили в нее надежду на непрерывность поэтической традиции. В них обрела Ахматова круг друзей. А со смертью Ахматовой их стали называть «ахматовскими сиротами». Но в этом хоре Бродский имел особый голос. Ведь не зря в разговорах с вдовой Мандельштама Ахматова называла его Осей Вторым. Зная отношение Ахматовой к Осипу Мандельштаму, можно понять, как высоко ценила она юного Бродского.

Строчку Бродского из посвященного ей стихотворения: «Вы напишете о нас наискосок» — Ахматова взяла эпиграфом к стихотворению «Последняя роза», позже Ахматова подарила Бродскому книгу своих стихов с дарственной надписью: «Иосифу Бродскому чьи стихи кажутся мне волшебными. А.А. 28 декабря 1963 г. Москва». Сохранились письма, которые они писали друг другу, когда Бродский был в ссылке. Впрочем, тема взаимоотношений, соприкосновений двух великих поэтов XX века, по счастью, совпавших в одном месте в одно время, требует более глубокого и скрупулезного исследования, чем позволяют возможности газетной статьи. Ограничусь лишь одним признанием Бродского, сделанным через несколько лет после смерти Ахматовой: «Когда Арсений Тарковский начал свою надгробную речь словами «С уходом Ахматовой кончилось...» — все во мне воспротивилось: ничто не кончилось, ничто не могло и не может кончиться, пока существуем мы. Волшебный мы хор или не волшебный. Не потому что мы стихи ее помним или сами пишем, а потому что она стала частью нас, частью наших душ, если угодно. Я бы еще прибавил, что, не слишком-то веря в существование того света и вечной жизни, я, тем не менее, часто оказываюсь во власти ощущения, будто она следит откуда-то извне за нами, наблюдает как бы свыше: как это она и делала при жизни... Не столько наблюдает, сколько хранит».

В 1989 году был открыт Музей Ахматовой — Фонтанный дом. Уже в следующем году Яков Аркадьевич Гордин, к которому после смерти родителей Бродского в 1985 году перешел весь архив

поэта, передал музею библиотеку Иосифа Александровича. Музей получил около 500 томов книг на русском и иностранных, преимущественно английском, языках. Некоторые из иностранных книг привозили Бродскому его зару-

Мемориальная доска на доме, где жил Иосиф Бродский. Фото М.Жажояна.

бежные друзья, а некоторые он посылал уже сам из-за границы родителям в надежде на то, что, продав их, старики получат добавку к своим мизерным пенсиям. Но родители берегли эти книги как память о далеком сыне. В книге Иосиф вкладывал свои фотографии. Так они в книгах и хранились. Так и попали в музей. Вместе с книгами Я.Гордин передал самодельные кляссыры с марками — Бродский ребенком собирал марки; школьные географические карты, которыми пользовался школьник Бродский в предпоследний свой школьный год. Как известно, его последний школьный год был 1954/1955, а карты выпущены в 1953 году. Оказалась в музее и небольшая записная книжка с адресами и телефонами, заполненная рукой Бродского.

В марте 1993 года музей получил подарок от друзей Бродского. Михаил Барышников, Берндт Янгфельдт, Маргарет оф Угглиц и Дерек Уолкот купили у голландского скульптора Сильвии Виллинг замечательный бронзовый бюст Бродского и преподнесли его музею.

Таким образом, еще при жизни поэта и, разумеется, с его ведома начал складываться фонд Бродского. В 1990 году в музее была организована выставка «Иосиф Бродский. 50 лет». Она вызвала большой интерес любителей поэзии. Построение экспозиции этой выставки позволило бы ее назвать «Два голоса: Ахматова — Бродский». Кроме экспонатов, имеющихся в музее, ряд документов и вещей были даны для выставки друзьями поэта.

Внезапная кончина Бродского обострила интерес к его личности и творчеству. В музее была открыта выставка «Памяти Бродского» и были проведены три вечера памяти поэта. Организаторами этих вечеров были не только сотрудники музея, но и друзья поэта и городская мэрия. Все вечера прошли при грандиозном стечении народа. Людей пришло намного больше, чем мог вместить выставочный зал музея. Многие стояли на лестнице, в

Шереметевском саду.

Первый вечер вел Яков Гордин. Выступавший на вечере А.Собчак рассказал, как во время прошлогодней поездки в США он встретился с Бродским и пытался уговорить его вернуться в Петербург. О встречах, беседах с Бродским говорили Фазиль Искандер, Зоя Борисовна Томашевская. Александр Кушнер, который вместе с Евгением Рейном летал в США, чтобы проститься с Бродским и проводить его в последний путь, рассказал о похоронах поэта. На похоронах он встретился с Михаилом Барышниковым. У Барышникова оказалась та самая книга Ахматовой, которую со столь знаменательной надписью она в декабре 1963 года подарила Иосифу Бродскому. Барышников отдал эту книгу Кушнеру для передачи в музей, что Александр Семенович сделал.

Поистине, книги имеют свои судьбы. Эта книга, выйдя из дома Ахматовой, более 30 лет была собственностью Бродского, с которой он не расставался. А после смерти Иосифа Александровича через Барышникова и Кушнера вернулась в дом Ахматовой — Фонтанный дом. Теперь она бесценный экспонат, говорящий о двух поэтах и замечательных друзьях, их окружавших.

У Бродского было очень много друзей, приятелей, знакомых. Теперь эти люди могли бы оказать неоценимую услугу музею. Музей Ахматовой начал работу по сбору сведений и материалов о Бродском. В планах музея создание литературной экспозиции, посвященной Бродскому, проведение вечеров и научных конференций. Одна из первоочередных задач — расширение собирательской работы, и в этом деле без помощи людей, лично знавших поэта, музею не обойтись. В Петербурге живет немало друзей поэта, готовых помочь. Один геолог, работавший в экспедиции вместе с Бродским, прислал в музей хранившееся у него много лет адресованное ему письмо Бродского. Думается, что подобных поступлений будет много. Но музей не может ограничиться только ленинградским периодом жизни Бродского.

За те 28 лет, которые прожил Бродский за рубежом, он занял прочное место в американской литературе. Там признания его заслуги как русского и американского поэта и эссеиста. Там стал он нобелевским лауреатом. Много друзей было у него и в Америке, и в Европе. Дом его был открыт друзьям, и в последний вечер он, как известно, принимал гостей. Без помощи «друзей последнего призыва» создать полноценную, достойную Бродского экспозицию музей не сможет, поскольку почти не располагает материалами, относящимися к zahraniчному периоду жизни поэта. Музей нуждается в воспоминаниях о Бродском, фотографиях, книгах, мемориальных вещах. Любые мемориальные вещи музей готов принять в дар либо получить на условиях временного хранения.

Одна из целей этой публикации — привлечь внимание зарубежных друзей поэта, мобилизовать их на помощь музею в деле увековечения памяти недавно умершего нашего великого современника.

Адрес Музея Ахматовой:
С.-Петербург 191104, наб. Фонтанки, дом 34. Тел.: 272-18-11, факс: (812) 272-20-34.

Санкт-Петербург